

УДК: 93/94

DOI: 10.25629/НС.2022.12.06

АЛЕКСАНДР I НА ВЕНСКОМ КОНГРЕССЕ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ**Латонова А.В.**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования образа российского императора Александра I в немецкоязычной прессе 1814-1815 гг. Исследуются репрезентации Александра I как монарха-победителя, дипломата, а также его повседневные репрезентации в ходе Венского конгресса. На основе анализа источников автор статьи воссоздает тот образ российского императора, который немецкоязычные газетчики хотели преподнести своим читателям в указанный период. При этом отмечается, что они описывали как реальные, так и отчасти вымышленные ситуации, демонстрирующие положительные качества Александра I без опоры на какие-либо факты, и выражали одобрение ему не столько аналитически, сколько эмоционально. Автор делает вывод, что подобный образ российского императора возник из потребности немецкой публики видеть в нем «защитника Германии». Вместе с тем, демонстрируется, что в основе газетного образа Александра I лежал ряд его подлинных сознательных репрезентаций.

Ключевые слова: Александр I, Венский конгресс, пресса, немецкая пресса, имагология.

Российский император Александр I на Венском конгрессе закономерно находился в зените славы и в центре всеобщего внимания. Его слова, поступки и устремления в ходе конгресса оказались запечатлены в официальных бумагах и в частных мемуарах; между тем, за развитием событий и участием в них русского государя пристально следили не только политики, дипломаты и общественные деятели – свидетелями конгресса были и представители прессы (в частности, в составе комиссии немецких книготорговцев на Венском конгрессе присутствовал издатель знаменитой “Allgemeine Zeitung” И.Ф. Котта; однако наличие ряда самостоятельных известий в немецких газетах разных земель позволяет предположить, что собственные оставшиеся анонимными корреспонденты были на конгрессе и у других изданий). Более того, именно пресса во многом служила навигатором общественного мнения, поскольку широкая публика следила за новостями из Вены и формировала представление об участниках переговоров благодаря тем сведениям, которые могла почерпнуть из газет. Само собой разумеется, при этом, что освещавшие события на мировой арене газеты выходили на разных языках, имели разную специфику и могли придерживаться разной политической ориентации – тем разнообразнее был спектр их оценок и наблюдений, в том числе – относящихся к фигуре российского императора. Сравнительно недавно был завершен масштабный исследовательский проект, посвященный изучению Венского конгресса [1], в рамках которого наряду с прочим было рассмотрено и освещение конгресса средствами массовой информации. Это исследование показало, что периодические издания на конгрессе преследовали не столько развлекательную (как считалось в историографии ранее [1]) цель, сколько служили средством общественно-политической коммуникации в то время, когда австрийским правительством была осознана важность общественного мнения.

Между тем нужно заметить, что переговоры на высочайшем уровне велись конфиденциально, журналисты не были посвящены в их ход и по большей части довольствовались тем, что видели на сопутствующих конгрессу балах, парадах и прочих публичных мероприятиях; иной раз им удавалось также увидеть фигуры первой величины в неформальной обстановке на улице – в сопровождении самых близких конфиденентов или, наоборот, среди любопытствующей незнакомой публики. При этом в ряде случаев в прессе приводятся эпизоды, непосредственными свидетелями которых корреспонденты никак не могли быть (например, разговоры

российского императора в отдалении от публики с членами своей семьи и иностранными монархами), однако же воспроизвели на страницах газет вплоть до деталей. Очевидно, что почвой для таких рассказов могли служить догадки и пересуды венцев и гостей конгресса на основе мимолетных наблюдений. Поэтому газетные публикации, посвященные Александру I в период Венского конгресса, как правило, содержат в себе сведения о его досуге, манере обращения с людьми разного толка, публичных жестах – но, конструируя его образ на своих страницах, волей-неволей выражают чаяния тех или иных групп лиц, к которым принадлежали корреспонденты и издатели.

Целью данной работы является анализ газетных публикаций эпохи Венского конгресса на предмет того, каким был образ российского императора Александра I в представлении немецкой прессы. Объектом исследования выступают немецкоязычные (включая и австрийские) газеты 1814–1815 гг., которые представляют интерес постольку, поскольку именно для немецкоговорящего общества в целом Александр I в рассматриваемый период являлся освободителем, союзником и объектом пристального внимания.

Историография

Историография немецкой прессы начинается с работ на сравнительно узкие темы («*Die Allgemeine Zeitung*» 1798–1898. Вклад в историю немецкой прессы» Э. Хейка (1898); плеяда исследований, прилежащих к знаменитому своему либерализму «*Rheinischer Merkur*» Й. Гёрреса [2; 3; 4; 5], и другие [6; 7]). Однако центральным изданием в историографии немецкой журналистики необходимо признать многотомную «Историю немецкой прессы», авторами которой стали О. Грот, М. Линдемманн, Э. Довифат и К. Кошик [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15]. Относительно интересующего нас периода Венского конгресса в «Истории...» показано, как оживляется пресса германских государств после поражения наполеоновской империи, как внутри этой прессы зарождается консервативно-либеральная полемика и т.д. Немногим позже выходит научный сборник «*Geschichte der deutschen Presse: Lehrbrief 3, Die deutsche Presse in der Hauptperiode von 1789–1830. Teil 1: Zur Funktion der deutschen Presse von der Französischen Revolution bis zu den Befreiungskriegen und dem Wiener Kongress (1789–1815)*» [16], где иллюстрируется участие органов печати в общественном диалоге в пору Освободительной войны против Наполеона и их активное продвижение идей национального подъема и объединения Германии в эпоху Венского конгресса. Для этой книги можно говорить уже не о почти позитивистском накоплении фактов из истории журналистики, но о проблемном подходе к исследованию условий и закономерностей развития прессы в конкретный период.

В дальнейшем заметно возобновление интереса к частным проблемам истории немецкой журналистики – на новом уровне детализации. Появляются работы, посвященные влиянию религиозных общин на прессу [17], изучению вклада отдельных личностей в развитие журналистики [18], а также, вновь, истории отдельных газет в каком-либо контексте [19; 20; 21; 22; 23]. Однако знакомство с историографией немецкой прессы в ее газетном сегменте показывает, что специального внимания запечатленным на ее страницах образам российских монархов (как, впрочем, и иных отдельных фигур, если не принимать в расчет издателей, корреспондентов и прочих связанных непосредственно с самой журналистикой лиц) исследователями не уделялось.

Александр I как монарх-победитель и его отношения с другими монархами на конгрессе

Рассматривая репрезентацию Александра I на Венском конгрессе, необходимо иметь в виду, что она следовала за репрезентацией русского императора в рамках освобождения Европы от Наполеона так же, как сам конгресс логически увенчивал эту борьбу. Свергнув военное владычество корсиканца, Александр I восстанавливал течение мирной жизни на освобожденных территориях и на страницах газет предстал отныне в образе созидателя. Читатель узнавал о том, что Александр Павлович возвращает пруссакам конфискованные Наполеоном суммы [24, S. 262], дает советы их королю насчет устройства в государстве почтовой системы [25, S. 254] и в целом проявляет участие ко всему, что видит. Немецкая пресса любовно коллекционировала подобные эпизоды, демонстрирующие неравнодушие русского государя к делам их земель.

Таким образом, еще до провозглашения Священного союза в прессе демонстрировалась особая близость русского государя с королем Пруссии и австрийским императором. Например, примечательно известие о том, что, когда первый французский посланник испросил у императора Александра тайной аудиенции, тот «в своей манере» заверил визитера, что нет разницы, кому француз доверит свои дела и пожелания: ему, императору Францу или же королю Фридриху Вильгельму III [26, S.201-202]. Газеты запечатлели и другой схожий эпизод: когда на подпись Александру Павловичу доставили очередную записку, он хотел было прочесть ее, как вдруг заметил, что та уже подписана императором Францем, – и произнес: «То, что засвидетельствовано этим именем, не нужно и читать» [27, S. 4; 28, S. 1289]. Такими заявлениями Александр I старался подчеркнуть, что он с австрийским императором и королем Пруссии является собой нечто целое, единое в трех лицах. Немецкой публике это было по душе. В прессе о единении государей с восторгом писали, как об уникальном в истории примере и гаранте всеобщего благополучия [26, S.201-202]. Авторы транслировали убеждение, что их земля никогда вновь не обогрится кровью, покуда порядок поддерживается мудростью и праведностью Франца I, Александра I и Фридриха Вильгельма III [29, S. 834].

В рамках освещения дружбы-братства между тремя монархами газеты демонстрировали различные эпизоды их единения. В прессе писали о том, что на фоне болезни австрийского императора откладывали поездки и мероприятия российский и прусский – с комментарием, что те всё равно не были бы счастливы без компании императора Франца [24, S. 262]. Позже газеты приводили эпизод с шуткой, когда императору Александру доложили о прибытии русского капитана с важными донесениями из Петербурга и Александр тотчас же велел его пропустить – но вместо мнимого посыльного увидел императора Франца в русском мундире с полученным письмом от императрицы-матери Марии Федоровны в руках [30, S. 1; 31, S. 143]. В день Вознесения Господня, совпавший в 1815 г. с годовщиной французской бомбардировки Вены 1809-го г., императоры Александр I и Франц I несколько раз были замечены у открытого окна, где в ходе оживленной беседы переплелись в дружеском объятии сердцем к сердцу [32, S. 1; 33, S. 1; 34, S. 486]. Жест этот кажется тем менее случайным, если учесть любовь Александра к приурочиванию знаковых событий к религиозным праздникам с приданием им тем самым большого веса [35, с. 62-80]. Воспрямляя от французского владычества Вена (и Австрия в целом), конечно, легко увязывалась с поправлением смерти Христом. А еще прежде, в марте 1815 г. освещение получило, пожалуй, самое весомое свидетельство близости монархов (возможно, выведенное газетчиками дедуктивно: о чем еще можно было разговаривать в этот момент?): когда на конгрессе было получено известие о побеге Наполеона с о. Эльбы, Александр I и Фридрих Вильгельм III приватно встретились на бастионе, чтобы обсудить поступившую информацию – и только после этого прусского короля отыскал князь Гарденберг, чтобы официально передать ему сообщение о случившемся побеге [36, S. 91].

При этом в частном поведении Александра I в рамках этого дружеского союза немецкие и австрийские корреспонденты подчеркивали дружелюбие, скромность на грани самоиронии, равнодушие и заботливость – что находит отражение в самом отборе материала для трансляции читателю. Так, ряд немецких газет [37, S. 1087; 38, S. 1049; 39, S. 118] нашел важными и интересными следующие детали: когда австрийский император презентовал Александру Павловичу шефство над полком, последний покинул свою свиту, переместился во главу полка и трижды отсалютовал Францу I шпагой как новоиспеченный командир подразделения (Франц ответил ему теплыми объятиями; рассказ об этом сопровождается комментарием, что таким образом правители объединяются и оружием, и сердцем, готовые противостоять любым нарушениям мира в Европе). Когда же австрийский император, намереваясь спешиться, огляделся в поисках кого-нибудь из своей свиты, кто придержал бы его коня, то Александр I спрыгнул и вместо слуги помог сойти на землю своему другу и союзнику [40, S. 141]. Забота же о прусском короле со стороны российского императора проявилась в терпеливых регулярных визитах к Фридриху Вильгельму III, когда тот, в свою очередь, был болен [41, S. 351; 42, S. 1419]. Таким

образом, российский император демонстрировал внимание к своим друзьям в вопросах здоровья и настроения, с готовностью выражал поддержку физическую и душевную – делая это и легко, и броско разом.

Между тем, пресса не оставляла без внимания трогательное радушие императора Александра не только по отношению к партнерам по будущему Священному союзу. Так, писали, что во время одного из последних своих визитов к императрице Марии-Луизе он, долго побеседовав с юным Наполеоном, нежно целовал его – сына своего недавнего врага [43, S. 1; 44, S. 280]. Александр I публично демонстрировал также свою привязанность к князю Шварценбергу, удаляясь с ним с парада, держа за руку [45, S. 44-45]. «Взволновала сердце» газетного наблюдателя и сцена, когда Александр Павлович, прощаясь со своей сестрой Марией, герцогиней Веймарской, «с братской нежностью» ущипнул ее за щеку и так же от души поцеловал [46, S. 38; 47, S. 1; 48, S. 370] (нужно сказать, что со своими сестрами – как известно, помимо Марии на конгрессе брата сопровождала Екатерина Павловна – император имел обыкновение ежедневно прогуливаться между одним и двумя часами ночи на бастионе, и эта картина, по свидетельству газет, неизменно собирала великое множество восхищенных зрителей, ухитрявшихся, не иначе, разглядеть знакомую фигуру императора даже в темноте [49, S. 20; 50, S. 21; 51, S. 21]). И подобные проявления нежности в адрес кровных родственниц едва ли могли казаться публике удивительными от человека, который выражал теплоту к целому кругу формально посторонних лиц, куда входили как монархи, так и подданные.

На глазах у публики и корреспондентов российский государь одаривал своей компанией и принца Евгения Богарне – впервые газеты упоминают об этом, передавая новости последних дней января 1815 г. [52, S. 147; 53, S. 140; 54, S. 1], а уже в середине февраля сообщают о прогулках Александра Павловича с пасынком Наполеона как о ежедневных [55, S. 2; 56, S. 203; 57, S. 194; 58, S. 188]. Широко известно мнение, что Александр I делал это демонстративно с целью напугать оппонентов на конгрессе «призраком Наполеона» и своей готовностью в крайнем случае «выпустить чудовище»; однако в изложении немецких газет нет ни тени подобной трактовки – факт прогулок русского царя с принцем Евгением либо просто констатируется в них без комментариев в рамках общей сводки светских новостей, либо пропитан умилением к дружелюбности «Северного Сфинкса».

Таким образом, можно заметить, что в целом ряде газетных известий об Александре I в пору Венского конгресса различимо чувство «близкородственной» теплоты, с которой он общался с людьми разного происхождения и положения в обществе. Предвосхищая создание Священного союза как «общевропейской семьи», Александр I в эпоху Венского конгресса как бы выстраивал «родственные» отношения с представителями разных монархий, на личном уровне закладывая основы будущего братства государств.

Александр I как дипломат. Восприятие его дипломатической деятельности на конгрессе

Важную сторону образа Александра I на конгрессе составляли его дипломатические способности. При всей своей услужливости и мягкости в обращении именно он – победитель Наполеона – виделся публике человеком, способным влиять на судьбы Европы в первую очередь. И именно ему корреспондентами отводилась решающая роль в преодолении трудностей и разногласий между делегациями на переговорах.

Яркое тому свидетельство – то, что немецкие газетчики преподносили Александра в качестве гаранта грядущего немецкого счастья и свобод. Они всячески подчеркивали неутомимую работу русского государя ради всеобщей пользы: «Несмотря на недомогание, император Александр последние 8 дней много работал. ...То был час... будущего образования Европы» [59, S. 1256; 60, S. 1403-1404; 61, S. 314] (бюллетени о состоянии здоровья Александра I выходили регулярно, вплоть до его очередного выздоровления [62, S. 261; 63, S. 308]).

Более того, целый ряд немецких газет [64, S. 1183; 65, S. 1173; 66, S. 420; 67, S. 1208] из разных земель с удовлетворением отмечал, что император Александр «еще раз доказал свою

благоразумие, к удовольствию всех немецко-настроенных людей» мощной нотой в адрес кабинетов Австрии и Пруссии, в которой уверял в своем активном участии в осуществлении всего того, что, по самым либеральным настроениям, должно было быть положено в основу будущей германской конституции. При этом нужно заметить, что все разместившие упомянутые строки газеты выходили на землях Баварии и Гессена – подданные которых желали общегерманской конституции без прусского приоритета [68, с. 45-46]. Примечательно, что в другом случае газеты этих же земель – с надеждой взиравшие на участие в конгрессе К. Штейна как заступника идеи именно такой конституции – подчеркивали, что этот человек пользуется величайшим доверием Александра I [69, S. 1; 70, S. 396]. Тем самым имя Александра I, с одной стороны, преподносилось как синоним просвещенности взглядов, а с другой – казалось достаточным аргументом для склонения чаши весов в любую желаемую сторону.

Следует отметить, что газеты зачастую представляли влияние на ход конгресса в преувеличенном виде. В частности, в ту самую пору, когда князь Талейран (незримо для газетчиков, поскольку последние не имели доступа к содержанию нот на конгрессе) вел активную борьбу за включение Франции в своем лице в состав руководящего комитета, в немецких и французских газетах кипела полемика на тему того, должна ли Франция иметь право голоса в регулировании германских дел. И пока за закрытыми дверями союзники вынуждены были идти на уступки Талейрану, газетная хроника уверенно фиксировала: «Все спекуляции... [со стороны Франции] бесполезны. Император Александр и его союзники ограничивают французов Парижским миром» [71, S. 53]. Показательно, что первым среди равных за круглым столом в этих строках позиционировался российский император – единственный, поименованный непосредственно; показательно и то, что в прессе не сомневались ни в способности возглавляемой им группы отстоять германские интересы, ни в ее намерении это сделать.

При отсутствии каких-либо конкретных известий с переговоров газеты с чувством глубокого убеждения публиковали слухи о том, будто российский император намерен принести великую жертву в отношении Польши (то есть, отказаться от притязаний на ее земли), поскольку для него ничто так не дорого, как мир в Европе [72, S. 3]. Когда же становилось очевидно, что переговоры затягиваются и даже Александр I не в силах с легкостью преломить их ход, то известная «жертвенность» русского царя становилась в немецкой прессе аргументом, объясняющим промедление: «Конечно же, было бы ошибкой заключать, что его уступчивость будет распространяться на объекты, за которые он поручился [а его оппоненты так полагают, поэтому конфронтация продолжается]» [72, S. 3].

Более того, немецкая “Allgemeine Zeitung” (со ссылкой на гамбургскую газету) приводила известия о витающих в воздухе слухах о нагнетании военного элемента и беспокойстве обывателей в связи с передвижениями войск на саксонских территориях – и подытоживала это заявлением о том, что император Александр держит себя очень решительно, а значит, беспокоиться совершенно не о чем [73, S. 91]. На фоне этого «развязные голоса», по отчету той же газеты, успокоились и затихли [73, S. 91]. Приводимые слухи были датированы 4-м января 1815 г. – а днем ранее, как мы знаем, между Францией, Австрией и Великобританией заключен был секретный договор, целью которого было противодействие присоединению Саксонии к Пруссии и Польши – к России; договор, который предусматривал, что если одна из сторон подвергнется опасности (исходящей, разумеется, от Пруссии или России), то другие обязуются этому помешать, и при необходимости направить на помощь 150-тысячную армию с каждой стороны [74, с. 450-451].

При этом газеты были совершенно не склонны предполагать в Александре Павловиче какую-либо пристрастность и несправедливость – в том числе, и особую расположенность к интересам своего прусского коллеги. За весь период Венского конгресса в изданиях мелких германских княжеств так и не появилось критики на эту тему. Едва ли не единственным примером, свидетельствующем о том, что авторы газет по крайней мере осознали этот факт, служит запись баварской “Bayreuther Zeitung” от декабря 1814 г., повествующая, что в частной аудиенции император Александр очень холодно принял князя Меттерниха (выступающего, разумеется, против присоединения саксонских земель к Пруссии) – но что в конце концов не кому иному, как Марии

Павловне (а по совместительству жене герцога Веймарского, также закономерно не заинтересованного в усилении Пруссии) удалось изменить взгляды своего августейшего брата в этом вопросе [75, S. 1224]. И вынужденная жертва в отношении саксонских земель была поставлена в заслугу российскому императору без всякого заострения внимания на том, что изначально он вовсе не желал подобного исхода; Александр Павлович глядит со страниц газет нежным братом и принимающим чужие мнения и аргументы просвещенным правителем.

Таким образом, немецким газетчикам было не очевидно, да и не нужно анализировать настоящий ход переговоров на конгрессе, в котором Александр I отнюдь не контролировал всё происходящее. Их уверенность в его лидирующем положении, прежде всего, подпитывали свежие воспоминания о принесенном волей российского императора освобождении от власти Наполеона – которые нашли продолжение в ожидании последующего счастливого устройства. Однако, нужно думать, немалую роль играло и личное обаяние Александра I, его умение вдохновлять, увлекать, обнадеживать – без выдвигания конкретных планов.

Александр I и окружающее общество в период Венского конгресса. Повседневные репрезентации

Как уже отмечалось, корреспондентам далеко не всегда было, что сообщить читателям по части политического содержания переговоров. И тогда на помощь в качестве почти неиссякаемого источника новостей приходила повседневная сторона конгресса, где российский император также проявлял себя ярче остальных.

Наблюдатели сообщали, что российский государь быстро освоился в Вене и, пребывая в отличном расположении духа, чувствовал себя в ней, как дома [76, S. 53; 77, S. 1033]. Александр Павлович наслаждался городом и благожелательно принимал участие во всеобщем веселье и торжествах [76, S. 53; 77, S. 1033]. Он регулярно появлялся на балах и приемах; стоило ему пропустить один из многочисленных балов, как это отмечалось корреспондентами с не меньшим вниманием, чем его присутствие [78, S. 2; 79, S. 3]. В конце концов, как подтверждали и сами газеты, он единственный из прибывших в Вену государей до самого окончания конгресса продолжал оставаться на виду у публики, приобретая всё новых и новых поклонников [80, S. 544].

Российскому императору в прессе постоянно делали комплименты, писали о нем как о душе всех проходящих балов, отмечая, что его грацией невозможно не восхищаться [81, S. 1086]. Казалось, само присутствие Александра I обращало всё вокруг в праздник и волшебство. В газетах можно обнаружить эпизод с произнесением Александром I энергичной речи перед вышедшим на парад австрийским полком, предваренной троекратным взмахом знаменем – на него, расшитое австрийской императрицей, он прежде повязал ленту – очевидный знак неразрывной связи, неразлучности между Россией и Австрией [82, S. 391; 83, S. 378; 84, S. 1436]. В другой раз Александр неформальным жестом проявил свое почтение к немцам – хроника с трепетом отметила день 18 октября 1814 г., когда российский император, стоя на балконе, пил за здоровье этого народа – жест, которого не бывало в немецкой истории прежде и, как отмечалось, могло не повториться более никогда [85, S. 159]. В тот же день ему был подарен 2-й пехотный полк австрийской армии, и император показательно распорядился выделять на него довольствие из своих средств [86, S. 142]. Особняком в этом ряду стоит пышный обед, который он устраивал для венценосных особ, эрцгерцогов, князей, генералов и штабных офицеров в честь годовщины Лейпцигского сражения – как крупнейшего в череде наполеоновских войн и принесшего союзной коалиции победу, без которой не было бы триумфального шествия русских войск во Франции и теперешних венских торжеств. Зал, освещенный 6000 ламп и украшенный аллегорическими символами и трофеями, по свидетельству газет, вместил в себя тогда семьсот гостей [87, S. 120]. Таким образом, одними из основных впечатлений о российском императоре у немецкой публики можно назвать широту души, щедрость – и открытость.

Важно заметить, что Александр I демонстрировал простоту и сердечность в отношении не только знатных персон, но и простонародья. Общению с последними он был открыт уже хотя бы потому, что нередко гулял по улицам или посещал театр без сопровождения [88, S. 544].

Газетчики с восторгом отмечали, что в то время как каждого иностранного монарха оберегает на конгрессе венгерская и немецкая охрана, лишь император Александр отказался от таких почестей, а вместо подготовленного для него шестиконного экипажа выезжает в скромной двухконке [89, S. 1030]. Как писала одна из авторитетнейших немецких газет того периода, его «все знают» и «люди толпятся рядом с ним, чтобы принять приветствие от красивого приветливого господина (как здесь называют императора Александра)» [90, S. 544]. По сообщениям, за прогуливающимся Александром I вечно следовал большой поток людей, и когда государь замечал это, то начинал удваивать шаги – а преследователи делали то же самое, и однажды он шутки ради прошел так весь город, всё ускоряя темп, однако его затея оторваться от «погоны» так и не оправдалась: «Сегодня я хотел утомить венцев, но они утомили меня», – сказал он после [91, S. 1304; 92, S. 382].

Данные характеристики Александра I зачастую принимали форму анекдотов, публикуемых в газетах. Один из них имел место на параде 30 сентября 1814 г., когда «необычайная человечность императора Александра восхитила сердца всех присутствующих». Площадь была заполнена тогда толпой, которой требовалось уступить дорогу прибывшим монархам – и один увлеченный зрелищем крестьянин не успел отойти. Его хотел было грубо оттеснить какой-то капитан, но к крестьянину продвинулся император Александр и дружески заговорил с ним, похлопав по плечу [93, S. 44-45]. Спустя пару месяцев следящая за новостями публика могла ознакомиться с новым анекдотом: в ходе одной из своих прогулок российский император завел разговор с женщиной, зарабатывающий на жизнь колкой дров. Та пожаловалась, что из-за прибытия иностранных монархов взлетели все цены – на что император улыбнулся и заверил ее в своем скором отъезде [94, S. 278].

К частным, чисто человеческим достоинствам Александра I в освещении немецкой прессы, таким образом, помимо названных прежде щедрости и открытости можно причислить чувство юмора и легкость нрава. Корреспонденты с удовольствием отмечали обаяние и приятность в обращении со стороны российского императора в равной мере как в высшем свете, так и среди случайных встречных на городских улицах, и в совокупности из всего этого следовало одно главное – хотя и не вполне подтверждающееся реальной, не увеселительной жизнью конгресса – впечатление: Александр I способен снискать любовь у кого угодно.

Выводы

В заключение следует отметить, что общим дискурсом немецких газет периода Венского конгресса стало восхваление целого ряда александровских качеств – таких, как справедливость, просвещенность и самопожертвование с одной стороны и живость нрава, любознательность, широта души – с другой. При этом первую группу качеств можно расценить как атрибут безупречного, почти невозможного в реальности правителя – а вторую, напротив, следует отнести к чисто человеческим качествам. Александр I, таким образом, предстал в изложении немецких газет одновременно и недостижимо-идеальным почти божеством, и земным человеком, к которому может обратиться и найти понимание и ласку любой встречный. Авторы статей в немецких газетах зачастую не искали опоры на конкретные факты, и их одобрение деятельности Александра I выражалось не сдержанно-аналитически, а глубоко эмоционально и очарованно, что во многом определялось их потребностью в идеальном образе российского императора как «защитнике Германии» и гаранте реализации собственных политических ожиданий на конгрессе и после него – несмотря на то что в действительности эти надежды не имели общего с реальностью уже в ходе конгресса [95, с. 119]. Вместе с тем, в основе газетного образа российского императора можно видеть ряд его собственных подлинных репрезентаций – таких как объятия с австрийским императором у открытого окна на виду у публики, тосты за здоровье прусского народа или дружеские разговоры с выходцами из народа.

Библиография

1. Wiener Kongress und die Presse – Zeitungen als Medien politischer Kommunikation // Wiener Kongress Projekte: [Электронный ресурс]. URL: <http://veps.uni-klu.ac.at/Projekt2.html>. (Дата обращения: 29.04.2022).

2. Wöhrmann H. Görres' Rheinischer Merkur: eine geschichtliche Analyse. Lönigen i.O.: Schmücker, 1933.
3. Kindt H. Görres' Rheinischer Merkur und die deutsche Presse seiner Zeit. Braunschweig: Limbach, 1936.
4. Körber E-B. Görres und die Revolution: Wandlungen ihres Begriffs und ihrer Wertung in seinem politischen Weltbild 1793 bis 1819. Matthiesen, 1986. – 116 S.
5. Dethloff M. Die Zensur des Rheinischen Merkur. 2002.
6. Bischoff J. Grundlage zur Geschichte der Erlanger Real-Zeitung 1741–1829. Erlangen: Veste, 19XX.
7. [Bessell G.] 150 Jahre Carl Schünemann Bremen, 1810–1960: die Geschichte eines Bremer Druck- und Verlagshauses. Bremen: Schünemann, 1960. – 137 S.
8. Groth O. Die Geschichte der deutschen Zeitungswissenschaft: Probleme und Methoden. München, 1948.
9. Koszyk K. Deutsche Presse im 19. Jahrhundert // Geschichte der deutschen Presse. Teil II, Bd.6. Berlin, 1966.
10. Koszyk K. Deutsche Presse im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1968.
11. Lindemann M. Deutsche Presse bis 1815 // Geschichte der deutschen Presse. Teil 1. Berlin, 1969.
12. Koszyk K. Deutsche Presse 1914–1945 // Geschichte der deutschen Presse. Teil III, Bd.7. Berlin, 1972.
13. Dovifat E. Zeitungslehre 2: Redaktion, die Sparten Verlag und Vertrieb, Wirtschaft und Technik, Sicherung der Öffentlichen Aufgabe. (Aufl. von Jürgen Wilke / Sammlung Gosche). Berlin, 1976.
14. Dovifat E. Zeitungslehre I: Theoretische und rechtliche Grundlagen, Nachricht und Meinung, Sprache und Form. (Aufl. von Jürgen Wilke). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1978.
15. Koszyk K. Pressepolitik für Deutsche 1945–1949 // Geschichte der deutschen Presse. Teil IV, Bd.10. Berlin, 1986.
16. Geschichte der deutschen Presse: Lehrbrief 3, Die deutsche Presse in der Hauptperiode von 1789–1830. Teil 1: Zur Funktion der deutschen Presse von der Französischen Revolution bis zu den Befreiungskriegen und dem Wiener Kongress (1789–1815) // Hrsg. von Günter Bialowons. Leipzig: Karl-Marx-Univ., Sektion Journalistik, 1976.
17. Lange J. Stellung der überregionalen katholischen deutschen Tagespresse (Band 40 von Europäische Hochschulschriften: Geschichte und ihre Hilfswissenschaften), Herbert Lang Verlag, Frankfurt/M., 1974.
18. Zeitungsstadt Berlin. Menschen und Mächte in der Geschichte der deutschen Presse. Überarbeitete u. erw. Aufl. Frankfurt/M., Berlin, Wien: Ullstein, 1982.
19. Zeitungsstadt Frankfurt am Main. Zur Geschichte der Frankfurter Presse in fünf Jahrhunderten / Herausgegeben von A. Estermann im Auftrag der Frankfurter Sparkasse. Frankfurt am Main, 1994. – 315 S.
20. Breil M. Die Augsburger "Allgemeine Zeitung" und die Pressepolitik Bayerns: ein Verlagsunternehmen zwischen 1815 und 1848. Tübingen: Niemeyer, 1996.
21. Ufer P. Leipziger Presse 1789 bis 1815. Eine Studie zu Entwicklungstendenzen und Kommunikationsbedingungen des Zeitungs- und Zeitschriftenwesens zwischen Französischer Revolution und den Befreiungskriegen (= Kommunikationsgeschichte. Band 9). Münster, 2000.
22. Blumenauer E. Journalismus zwischen Pressefreiheit und Zensur: die Augsburger "Allgemeine Zeitung" im Karlsbader System (1818–1848). Köln: Böhlau, 2000.
23. Ростиславлева Н.В. Политическая пресса в немецком герцогстве Баден в 20–30-е годы XIX века // Европейский альманах. М., 2004. с. 93-104.
24. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XVII (25. November 1814).
25. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XVI (22. November 1814).

26. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XIII (11. November 1814).
27. Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1814, № 353 (20. Dezember).
28. Regensburger Zeitung, 1814, № 304 (22. Dezember).
29. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № LX (18. April 1815).
30. Augsburgerische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1815, № 24 (28. Januar).
31. National-Zeitung der Deutschen, 1815, № 7 (15. Februar).
32. Augsburgerische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1815, № 114 (13. Mai).
33. Frankfurter Ober-Postamts-Zeitung, 1815, № 137 (17. Mai).
34. Regensburger Zeitung, 1815, № 116 (16. Mai).
35. Андреев А.Ю. «Политическая теология» императора Александра I: идеи, репрезентации, практика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. М., 2022. Т. 106.
36. Erlanger Real-Zeitung, 1815, № 21 (4. März).
37. Regensburger Zeitung, 1814, № 254 (25. Oktober).
38. Baierische National-Zeitung, 1814, № 254 (26. Oktober).
39. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № VIII (28. Oktober 1814).
40. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № IX (1. November 1814).
41. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XXIII (16. Dezember 1814).
42. Münchener politische Zeitung, 1814, № 305 (22. Dezember).
43. Augsburgerische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1815, № 61 (13. März).
44. Allgemeine Zeitung, 1815, № 70 (11. März).
45. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № III (11. Oktober 1814).
46. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № III (11. Oktober 1814).
47. Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1814, № 286 (13. Oktober).
48. Erlanger Real-Zeitung, 1814, № 83 (18. Oktober).
49. Allgemeine Zeitung, 1815, № 5 (5. Januar).
50. Münchener politische Zeitung, 1815, № 5 (6. Januar).
51. Baierische National-Zeitung, 1815, № 5 (6. Januar).
52. Münchener politische Zeitung, 1815, № 33 (8. Februar).
53. Regensburger Zeitung, 1815, № 34 (9. Februar).
54. Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1815, № 42 (11. Februar).
55. Augsburgerische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1815, № 45 (22. Februar).
56. Münchener politische Zeitung, 1815, № 46 (23. Februar).
57. Regensburger Zeitung, 1815, № 47 (24. Februar).
58. Bayreuther Zeitung, 1815, № 48 (25. Februar).
59. Baierische National-Zeitung, 1814, № 298 (16. Dezember).
60. Münchener politische Zeitung, 1814, № 301 (17. Dezember).
61. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XXI (9. Dezember 1814).
62. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XVII (25. November 1814).

63. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XX (6. Dezember 1814).
64. Baierische National-Zeitung, 1814, № 284 (30. November).
65. Bayreuther Zeitung, 1814, № 283 (28. November).
66. Erlanger Real-Zeitung, 1814, № 95 (29. November).
67. Regensburger Zeitung, 1814, № 284 (29. November).
68. Формирование и развитие политики средних германских государств и их взглядов на реформу Германского союза в 1815-1848 гг. // Даценко П.А. Проекты реформирования Германского союза и политика средних германских королевств в 1849-1864 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. ГАУГН. М., 2019.
69. Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1814, № 310 (7. November).
70. Erlanger Real-Zeitung, 1814, № 89 (8. November).
71. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № IV (14. Oktober 1814).
72. Frankfurter Ober-Postamts-Zeitung, 1814, № 355 (22. Dezember).
73. Allgemeine Zeitung, 1815, № 23 (23. Januar).
74. Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, издание книгопродавца Киммеля, 1886-1892. Т. 5.
75. Bayreuther Zeitung, 1814, № 294 (11. Dezember).
76. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № IV (14. Oktober 1814).
77. Baierische National-Zeitung, 1814, № 251 (22. Oktober).
78. Fränkischer Merkur, 1815, № 14 (14. Januar).
79. Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1815, № 13 (16. Januar).
80. Allgemeine Zeitung, 1815, № 134 (14. Mai).
81. Baierische National-Zeitung, 1814, № 262 (4. November).
82. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XXV (23. Dezember 1814).
83. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XXIV (20. Dezember 1814).
84. Allgemeine Zeitung, 1814, № 359 (25. Dezember).
85. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № X (4. November 1814).
86. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № IX (1. November 1814).
87. Beilage zur Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № 3 (28. Oktober 1814).
88. Allgemeine Zeitung, 1815, № 134 (14. Mai).
89. Baierische National-Zeitung, 1814, № 250 (21. Oktober).
90. Allgemeine Zeitung, 1815, № 134 (14. Mai).
91. Allgemeine Zeitung, 1814, № 326 (22. November).
92. Der aufrichtige und wohlverfahrne Schweizer-Bote, 1814, № 48 (1. Dezember).
93. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № III (11. Oktober 1814).
94. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XVIII (29. November 1814).
95. Зак Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966.

ALEXANDER I AT THE CONGRESS OF VIENNA WITH THE EYES OF THE GERMAN PRESS

Latonova A.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation of the image of the Russian Emperor Alexander I in the German-language press in 1814-1815. The representations of Alexander I as a victorious monarch, a diplomat, as well as his everyday representations during the Congress of Vienna are studied. Based on the analysis of sources, the author of the article recreates the image of the Russian emperor, which the German-speaking newspapers wanted to present to their readers in this period. At the same time, it is noted that they described both real and partly fictional situations demonstrating the positive qualities of Alexander I without relying on any facts, and expressed their approval of him not so much analytically as emotionally. The author concludes that such an image of the Russian emperor arose from the need of the German public to see him as a "defender of Germany". At the same time, it is shown that the newspaper image of Alexander I was based on a number of his true conscious representations.

Key words: Alexander I, Congress of Vienna, press, German press, imagology.